Базиль Кербле — исследователь России

А. Берелович

Алексис Берелович, Университет Париж — Сорбонна (Париж IV). Франция, Париж 5 округ, рю Виктор-Кузен, 1. E-mail: a.berelowitch@gmail.com

Статья рассказывает о вехах научной биографии крупного французского социолога и историка XX века, профессора Сорбонны Базиля Кербле. Анализируются основные темы работ Кербле — история России, социология позднего советского общества — в контексте дискуссий западной советологии 1960–1970-х годов, споров «тоталитаристов» и «ревизионистов». Отличительными чертами работ Кербле называется широта кругозора, компаративистский подход к исследованиям по истории России, свобода научного мировоззрения от идеологической предвзятости. Подчеркивается значение Кербле как одного из первых биографов, исследователей и издателей трудов А.В. Чаянова по теории крестьянской экономики.

Ключевые слова: социология, крестьяноведение, советология, Кербле, Чаянов

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-69-77

По всей вероятности, имя Базиля Кербле (Basile Kerblay) мало что говорит российским историкам или социологам, и даже крестьяноведам. Если они о нем что-то и слышали, то только как об «открывателе» А.В. Чаянова, что, конечно, не так уж мало. Но помимо этой заслуги он был, без сомнения, лучшим знатоком Советского Союза во Франции.

Начну с нескольких фактов его биографии[1]. Мать его, урожденная Керблай (ее отец был перс, и она снова взяла свою девичью фамилию, когда переехала с сыновьями во Францию; Базиль носил фамилию матери, по-французски она произносится Кербле или Керблэ), эмигрировала из России после революции 1905 года во Францию, а потом очутилась в Болгарии, где и вышла замуж. И так Базиль Кербле родился в мае 1920-го в Болгарии. Позднее он с матерью переехал во Францию, где окончил Институт политических наук и Школу восточных языков, получив юридическое и экономическое образование. Мы можем констатировать, что уже в годы учебы Базиль Кербле проявил ту многосторонность интересов, которая стала впоследствии одной из его отличительных черт. Его работы всегда были, как подчеркивает М. Левин в своей статье

1. Базиль Кербле рассказал немного о себе в письме своей бывшей студентке (Кербле, 2008: 12–16).

о нем, междисциплинарны: они могли равно заинтересовать и социолога, и историка, и антрополога (Lewin, 2004).

Некоторое время после окончания учебы Кербле работал экспертом при ООН, потом при французском МИДе, но несколько лет спустя выбрал для себя чисто академическую карьеру преподавателя и исследователя. После Ecole pratique des hautes études (Практическая школа высших исследований) и Института политических наук, начиная с 1970-го и до пенсии в 1984 году, он преподавал в Отделении славистики Университета Париж-Сорбонна. Его лекции запомнились студентам и аспирантам ясностью изложения и оригинальностью подхода. Он не подавлял собеседника своей культурой, своими поистине энциклопедическими знаниями России и Советского Союза, и не только. Базиль Кербле всегда был доступен и доброжелателен, что не мешало ему быть требовательным (каким он был по отношению к себе), когда дело касалось науки.

В отличие от большинства специалистов по Советскому Союзу, Кербле прекрасно знал и историю России предыдущих периодов. Многие его статьи касаются или собственно XIX века или же рассматривают поставленную проблему начиная с XIX века. Действительно, даже если он осознавал глубину разрыва 1917 года, он одновременно видел и постоянные черты в истории России, особенно в том, что касалось «крестьянской цивилизации» (это его выражение), для которой главным переломом стал не 1917, а 1929 год.

Близость Кербле к так называемой «школе Анналов» объясняется и ее многодисциплинарностью (история, антропология, социология), и его вниманием к «долгому времени» (le temps long), которое мы видим, например, в его статьях о рождаемости и брачности в селах вблизи Коломны с 1861 по 1961 год или о пище крестьянина с 1896 по 1960 год (Kerblay, 1962; Кербле, 2008: 82–114).

Знания Базиля Кербле не ограничивались Россией — Советским Союзом, и это придавало ему тот широкий кругозор, которого так часто не хватает специалистам по России. Он постоянно сопоставлял наблюдаемые им процессы в России — будь то распространение грамотности, сельская миграция или модернизация — с аналогичными процессами в других странах, от Японии до Франции, вписывая их, таким образом, в то, что теперь называют глобальной историей. Прибегая к сравнениям и сопоставлениям, он мог лучше анализировать советское общество и, кроме того, решать очень важную, я бы даже сказал, этическую задачу: напоминать — а это было необходимо по отношению к читателям 1970-х годов, — что жители Советского Союза принадлежат роду человеческому. «Мужчины и женщины, живущие на другом берегу, принадлежат к тому же человечеству, что и мы», — писал он в своей книге «Советские люди в 80-е годы», созданной совместно с экономистом Мари Лавинь (Kerblay, Lavigne, 1985).

В многочисленных статьях, посвященных памяти Базиля Кербле после его кончины в феврале 2004 года, лейтмотивом повторяется определение его как свободного человека. Что имелось в виду? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что представляла собой советология во Франции. Как пишет автор одной из этих статей, «это было заминированное поле». Пока существовал Советский Союз, отношение к нему и определение природы советского режима были теснейшим образом связаны с политическими позициями во Франции. Была позиция ортодоксальных коммунистов, которые, несмотря на некоторую критику линии КПСС после 1968 года и вторжения советских войск в Чехословакию, продолжали видеть в лице Советского Союза хоть и не идеальное, но все-таки социалистическое государство. Были «леваки», считавшие, что в Советском Союзе не социализм, а капитализм. Среди «правых» были те, кто видел в Стране Советов просто продолжение российской империи, а также те, кто видел в ней осуществление социализма и, стало быть, живое, наглядное доказательство порочности социалистической идеи. Советский Союз, по их мнению, должен был либо развалиться на куски в страшных конвульсиях, либо, наоборот, захватить весь мир, если Запад не даст ему отпор[2]. Все это дебатировалось в СМИ, где советологи выступали в роли экспертов. При этом в общественном мнении доминировало представление о Советском Союзе как о большом лагере. В среде историков на это еще накладывалось деление на «тоталитаристов» и «ревизионистов». Первые (чаще всего правых убеждений) сводили всё к политической власти, которая держала население под тотальным контролем; вторые (скорее левых взглядов) всё объясняли при помощи социальных движений и сводили роль власти к минимуму.

Этот достаточно длинный экскурс был мне нужен, чтобы объяснить, как Базиль Кербле — почти единственный — сумел остаться свободным от всех этих школ, течений, групп и кланов. Во-первых, он держался в стороне от всяких СМИ, говоря, что «надо или интервью давать, или со студентами заниматься», как вспоминает его бывшая аспирантка, а ныне профессор в Университете Париж-Сорбонна Мирьям Дезэр. Но главное не это. Он строил свои работы таким образом, что снимал необходимость втискивать свой материал в прокрустово ложе априорных схем. Этот свой подход он несколько раз эксплицирует, например, в своей книге «La Société soviétique contemporaine» («Современное советское общество»)[3].

2. Любопытно, что когда Советский Союз действительно рухнул, никто, за исключением Кербле, не стремился пересматривать заново свои теоретические конструкции, сопоставляя их с реальностью (см.: Kerblay, 1989b).

3. Само заглавие книги уже шло вразрез с позицией тех учёных, которые считали, что так как Советский Союз тоталитарное государство, то там не может быть общества по определению.

«...Наш подход, — пишет он, — состоит в том, чтобы исходить из первичных фактов социальной реальности <...>; микросоциология будет [в нашей работе] предшествовать анализу структуры социальных отношений и политических институтов, характеризующих общество в целом <...>, и только к исходу нашего пути мы зададим себе вопрос о природе этого общества <...>. Мы не хотим заранее предрешать, какова социальная система Советского Союза, облачая ее в узкое платье идеологии <...>. Эмпиризм нашего подхода диктуется стремлением избежать всякого догматизма» (Kerblay, 1977). У Базиля Кербле это была не просто декларация принципов, но постоянный метод работы.

Например, в статье о социологии в Советском Союзе, которую ему заказали для сборника, посвященного общественным наукам в СССР, он написал не о социологии, а о социологах, объяснив свой выбор следующим образом: «...Чтобы не сталкиваться с необходимостью давать предварительное определение тому, что называют социологией в СССР, мы предпочли рассмотреть деятельность тех, кто присваивает себе звание социолога». В конце статьи, отвечая на вопрос, заданный самому себе в ее начале, он заключает: «[советская] система вбирает то, что в социологии приемлемо для ее идеологии, и то, что укрепляет технократию [он рассматривал среди прочего работу «социологов» на предприятии], но отбрасывает все, что может походить на критическую социологию» (Kerblay, 1985b).

Каждый раз, когда ему надо вернуться к определению советского режима, он дает различные возможные подходы к этому определению (экономический, культурный, социальный), и для каждого подхода анализирует, что он дает, насколько работает или не работает, как сочетается с другими.

Так, в своей книге, написанной в соавторстве с Мари Лавинь, он последовательно объясняет, почему не оперирует понятием «социальные классы», а предпочитает говорить о «социальных водоразделах» (fractures sociales), затем — почему в обществе, иерархичном сверху донизу, где все одновременно и подчиняют и подчиняются, не годится биполярность понятия «доминирующие/доминируемые» (dominants/dominés), и заканчивает тем, что отбрасывает интерпретации советского общества через призму тоталитаризма, — потому что это понятие, которое предполагает тотальный контроль власти над обществом, мало вяжется с наблюдаемым реальным обществом, где преобладает пассивность и аполитичность.

Кербле, как, например, в упомянутой статье о советских социологах, всегда начинает с человека, но, конечно, не с человека вообще, а с человека социального, включенного в историю, в культуру, в институты. Как он сам говорит, «общий знаменатель... нашей работы — это обычно люди, а не бог весть какая теоретическая или мифическая конструкция, будь она хоть идеальной моделью, хоть пугалом». «И, — продолжает он далее, — люди, живущие

на другом берегу, принадлежат к тому же человечеству, что и мы» (Kerblay, Lavigne, 1985: 7). Эта его благожелательность по отношению к людям, основанная на четких моральных принципах, нисколько не оставляет за рамками его работы несвободу, произвол, ужасы коллективизации и Большого террора. Она не затемняет нравственные суждения автора, когда он их считает необходимыми. Но, как сказано на обложке упомянутой выше книги, авторы старались писать как без ненужной агрессивности, так и без попустительства, и они надеются, что читатель оценит их тон, когда они затрагивают болезненные сюжеты без той агрессивности, которая так модна в наши дни. Это пристальное внимание к людям опиралось у Базиля Кербле на представление об истории не как о неизбежном осуществлении неких незыблемых «законов истории», но как о результате выбора между разными траекториями, который всякий раз делается людьми.

В заключительной главе своей книги «Современное советское общество» он пишет: «...Будущее советского общества, как и всякого общества, по нашему мнению, не связано с экономическим детерминизмом или же неизбежными социальными процессами... История будущего, как и история прошлого, вписывается в понятие выбора» (Kerblay, 1977). Поэтому даже если — а это было так — он не писал историю в сослагательном наклонении, он подчеркивал сделанные в свое время выборы, как, например, отказ от развития сельского хозяйства через кооперацию и выбор коллективизации, то есть нового закрепощения крестьян, которое обернулось катастрофой не только для самого крестьянства, но и для Советского Союза в целом.

Так как Кербле постоянно работал в области и истории и социологии, он всегда рассматривал общество в его развитии, а не как застывшую структуру. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть заглавия его статей, где часто встречается слово «эволюция». Он рассматривал все социальные явления с их историей в прошлом и старался увидеть в настоящем признаки их возможной будущей эволюции. Так, в своей книге о Советском Союзе 1970-х годов он увидел признаки глубоких изменений в якобы «замороженном» обществе. По той же причине одновременно со своими исследованиями по истории России он всегда очень быстро откликался на то, что происходило, будь то появление нового устава колхозов в 1969 году (статья «Le nouveau statut des kolkhoz») (Kerblay, 1969), будь то перестройка, о которой он написал свою последнюю книгу «La Russie de Gorbatchev» («Россия Горбачева») (Kerblay, 1989a)[4].

Главной темой исследований Базиля Кербле было крестьянство в России (и позднее — в Советском Союзе) от XIX века до реформ

4. В английском переводе: «Gorbatchev's Russia» (New York, 1989).

Бориса Ельцина. Если пролистать его библиографию[5], то бросаются в глаза две вещи: чрезвычайно широкий диапазон его интересов (в рамках России) и преобладание работ о крестьянстве. Он сам собрал в сборник те из них, которым придавал наибольшее значение (Kerblay, 1985a).

Его первая статья о крестьянстве, подписанная псевдонимом Apremont, появилась в 1956 году (Apremont, 1956), но систематически на эту тему он начал писать в 1960-е годы. Его диссертация была посвящена крестьянским рынкам (Kerblay, 1968). Базиль Кербле, нисколько не приукрашивая традиционный крестьянский мир, был полон понимания и, можно сказать, любви к этим «униженным и оскорбленным», как он их определил в предисловии к воспоминаниям Ивана Столярова (Stoliaroff, 1992)[6]. Хотя и слышится в этом предисловии некоторая ностальгия по этому миру, с его традициями, самоорганизацией, культурой (Кербле часто пользовался выражением «крестьянская цивилизация»)[7], но он видел и необходимость для крестьянского семейного хозяйства модернизироваться, выйти из натурального хозяйства и включиться через рынок в народное хозяйство. Еще до встречи с работами А.В. Чаянова он считал, что дорогой к этому могла бы стать интеграция крестьянских хозяйств в кооперативы.

В начале 1960-х годов друзья Базиля Кербле, известные индологи Алиса и Даниэль Торнер (Thorner), указали ему на существование интересной книги некоего «по-видимому, немецкого ученого русского происхождения»: A. Tschajanow «Die Lehre von der bauerlichen Wirtschaft: Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau», опубликованной в Берлине в 1923 году. Естественно, она очень заинтересовала Кербле, так как предлагала неклассическую экономическую теорию крестьянского семейного хозяйства.

После нескольких лет работы в библиотеках, благодаря помощи коллег и друзей Кербле удалось восстановить (в условиях закрытых архивов!) биографию А.В. Чаянова[8] и составить библиографию его работ, хотя, конечно, еще не полную. Он участвовал в издании английского перевода «Организации крестьянского хозяйства», к которому написал предисловие (Chayanov, 1966). В нем он отмечал

5. С ней можно ознакомиться на сайте https: //cercec.fr/bibliographie-des-travaux-de-basile-Kerblay.htm Составители Monique Armand, Myriam Desert, Marie-Rose Belgodere, а также в сборнике (Кербле, 2008).
6. Воспоминания Ивана Яковлевича Столярова о своем крестьянском детстве до этого вышли на русском языке: Столяров И. (1986). Записки русского крестьянина / Préface de Basile Kerblay. Paris, 1986.
7. Его послесловие звучит как прощание с крестьянской цивилизацией: «Она доживает свои последние дни», — пишет он (с. 21).
8. Он знает, например, что А.В. Чаянов был арестован в 1930 году, но не знает, что он был расстрелян в 1937-м. О работе Кербле над биографией и теориями Чаянова см. статью: Stanziani, 2004.

не только социально-экономические труды Чаянова, но и его литературную деятельность. Базиль Кербле явно восхищался многогранным талантом Чаянова, в котором он видел олицетворение всего лучшего, что есть в русском интеллигенте, с его высокой культурой и заботой об участи народа. Именно в этом смысле он называл Чаянова неонародником. Год спустя Кербле издал собрание сочинений Чаянова в формате репринта (Chayanov, 1967).

В последней своей работе о Чаянове, опубликованной в 1990 году, — в послесловии к французскому переводу «Организации крестьянского хозяйства» — Кербле возвращался к теме богатства чаяновского наследия и выражал надежду, что заново открытый Чаянов поможет новым реформаторам найти путь развития сельского хозяйства через подлинную кооперацию без насилия над крестьянами (в этом он был близок к идеям Виктора Петровича Данилова). Но уже тогда он опасался, что это окажется неосуществимым из-за отсутствия нужной инфраструктуры и в первую очередь потому, что крестьянство было раздавлено раскулачиванием, коллективизацией и бесконечным рядом безумных реформ (Tchayanov, 1990).

Базиль Кербле был замечательным ученым и человеком, гуманистом. Все, кому посчастливилось у него учиться или с ним работать, сохранили о нем память как о скромном, даже застенчивом человеке, говорившем на заседаниях редколлегий журналов или научных советов всегда мало, но точно и принципиально. Он оставил после себя много работ, ставших классическими. Большинство из них, как пишет Моше Левин, нисколько не устарели. Было бы хорошо, если бы они активнее переводились на русский язык и получали признание у российского читателя.

Библиография

Кербле Б. (2008). Русская культура. Этнографические очерки / Пер. с фр. СПб.: Европейский дом.

Столяров И. (1986). Записки русского крестьянина / Préface de Basile Kerblay. Paris.

Apremont B. (1956). Politique agricole et collectivisation en URSS // La Nef. Paris.

Chayanov A. (1967). Oeuvres choisies. Paris — La Haye. 8 vol.

Chayanov A.V. (1966). On the theory of peasant economy / eds. by B. Kerblay, D. Thorner, R. Smith. Homewool.

Kerblay B. (1962). L'évolution de l'alimentation rurale en Russie, 1896–1960 // Annales. Economies, sociétés, civilisations. No 5.

Kerblay B. (1968). Les Marchés paysans en URSS. Paris — La Haye.

Kerblay B. (1969). Le nouveau statut des kolkhoz // Communautés. No 26.

Kerblay B. (1977). La Société soviétique contemporaine. Paris

Kerblay B. (1985a). Du Mir aux agrovilles. Paris.

Kerblay B. (1985b). Les «sociologues» et la société soviétique du cours des des années soixante-soixante-dix // Revue des études slaves. Vol. 57. Paris.

Kerblay B. (1988). L'évolution de la natalité et de la nuptialité dans trois villages de la banlieue de Kolomna de 1861 à 1961 // L'Evolution des modèles familiaux de l'Est européen et en USSR. Paris.

Kerblay B. (1989a). La Russie de Gorbatchev. Lyon.
Kerblay B. (1989b). Les modeles interpretatifs en sociologie // Revue des Pays de l'Est. No 1. Bruxelles.
Kerblay B., Lavigne M. (1985). Les Soviétiques des années 80. Paris.
Lewin M. (2004). Basil Kerblay and his scholarship // Cahiers du Monde Russe. No 45/ 3-4.
Stanziani A. (2004). Čajanov, Kerblay et les shestidesiatniki: une histoire globale? // Cahiers du Monde Russe. No 45/3-4.
Stoliaroff I. (1992). Un Village russe. Récit d'un paysan de la région de Voronej, Paris.
Tchayanov A. (1990). L'Organisation de l'économie paysanne, Paris.

Basile Kerblay — an explorer of Russia

Alexis Berelowitch, University Paris — Sorbonne. France, Paris-5, Rue Victor-Cousin 1.
E-mail : a.berelowitch@gmail.com

The article by Alexis Berelowitch describes the milestones of the scientific biography of the prominent French sociologist and historian of the 20th century, Professor of Sorbonne University Basile Kerblay. The article presents the main themes of Kerblay's works — history of Russia and sociology in the late Soviet society — in the context of the Western sovietology debates of the 1960s — 1970s and disputes of "totalitarianists" and "revisionists". The author considers as distinctive features of Kerblay's works his broad outlook, comparative approach to the study of Russian history, and lack of ideological bias. The article emphasizes the importance of Kerblay as one of the first biographers, researchers and publishers of A.V. Chayanov's works on the theory of peasant economy.

Key words: sociology, peasant studies, sovietology, Kerblay, Chayanov

References

Apremont B. (1956) Politique agricole et collectivisation en URSS. *La Nef*. Paris.
Chayanov A. (1967) *Oeuvres choisies*. Paris — La Haye. 8 vol.
Chayanov A.V. (1966*) On the theory of peasant economy* (eds. by B. Kerblay, D. Thorner, R. Smith). Homewool.
Kerblay B. (1962) L'évolution de l'alimentation rurale en Russie, 1896–1960. *Annales. Economies, sociétés, civilisations*, no 5.
Kerblay B. (1968) *Les Marchés paysans en URSS*. Paris — La Haye.
Kerblay B. (1969) Le nouveau statut des kolkhoz. *Communautés*, no 26.
Kerblay B. (1977) *La Société soviétique contemporaine*. Paris
Kerblay B. (1985a) *Du Mir aux agrovilles*. Paris.
Kerblay B. (1985b) Les «sociologues» et la société soviétique du cours des des années soixante-soixante-dix. *Revue des études slaves*, vol. 57. Paris.
Kerblay B. (1988) L'évolution de la natalité et de la nuptialité dans trois villages de la banlieue de Kolomna de 1861 à 1961. *L'Evolution des modèles familiaux de l'Est européen et en USSR*. Paris.
Kerblay B. (1989a) *La Russie de Gorbatchev*. Lyon.
Kerblay B. (1989b) Les modeles interpretatifs en sociologie. *Revue des Pays de l'Est*, no 1. Bruxelles.
Kerblay B., Lavigne M. (1985) *Les Soviétiques des années 80*. Paris.
Kerblay B. (2008) *Russkaya kultura. Etnograficheskie ocherki* [Russian Culture. Ethnographic Essays]. Per. s fr. Saint Petersburg: Evropeysky dom.
Lewin M. (2004) Basil Kerblay and his scholarship. *Cahiers du Monde Russe*, no 45/ 3-4.

Stanziani A. (2004) Čajanov, Kerblay et les shestidesiatniki: une histoire globale? *Cahiers du Monde Russe*, no 45/3-4.
Stolyarov I. (1986) *Zapiski russkogo krestyanina* [Notes of the Russian Peasant]. Préface de Basile Kerblay. Paris.
Stoliaroff I. (1992) *Un Village russe. Récit d'un paysan de la région de Voronej*, Paris.
Tchayanov A. (1990) *L'Organisation de l'économie paysanne*, Paris.